

УДК 82.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-111-117

«БАРСУКИ» ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА: АВТОР ПРОТИВ УСЛОВНОГО ОБРАЗА ПИСАТЕЛЯ

Заваров Д. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование рассудочного, «идейного» начала, за которое отвечает «писатель Леонов», и обобщённого, включающего интуитивные, эмоциональные проявления, носителем которых выступает «Леонов автор», в дебютном романе Л. М. Леонова «Барсуки».

Процедура и методы. «Писатель», действующий в системе координат литературного поля, поневоле вступает в противоречие с «автором», стремящимся «рассказать историю» без узких смысловых и морально-этических надстроек. Эти противоречия во взаимоотношениях *писатель / автор* ярко проявились в первом крупном романе Леонова, в чём убеждает проведённый анализ. Используются текстологический, культурно-исторический и герменевтический методы исследования.

Результаты. Результатом работы стало раскрытие ключевых особенностей системы взаимоотношений между автором и образом писателя в творчестве Л. М. Леонова, что имеет принципиальное значение для понимания его художественного метода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Использование концепции «литературного поля» позволило по-новому взглянуть на поэтику повествования Л. М. Леонова и осмыслить характерные особенности его творческой манеры.

Ключевые слова: имплицитный автор, Леонид Леонов, литературное поле, образ писателя, роман «Барсуки», творческая манера, художественный метод

LEONID LEONOV'S "BADGERS": THE AUTHOR IS AGAINST THE CONDITIONAL IMAGE OF THE WRITER

D. Zavarov*State University of Education**ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. We study the rational ideological principle, for which the “writer-Leonov” is responsible, and the generalized principle, including intuitive emotional manifestations, the carrier of which is “Leonov-author”, in L. M. Leonov’s debut novel “Badgers”.

Methodology. A “writer” acting in the coordinate system of the literary field inevitably comes into conflict with the “author” who seeks to “tell a story”, without narrow semantic and moral and ethical superstructures. The performed analysis shows that these contradictions in the writer / author relationship are clearly manifested in Leonov’s first major novel. Textual, cultural-historical and hermeneutic methods of research are used.

Results. The result of the work is the disclosure of the key features of the system of relationships between the author and the image of the writer in the work of L. M. Leonov, which is of fundamental importance for understanding his artistic method.

Research implications. The use of the concept of the “literary field” allows us to take a fresh look at the poetics of L. M. Leonov’s narrative and to note the characteristic features of his creative method.

Keywords: implicit author, Leonid Leonov, literary field, image of the writer, novel “Badgers”, creative manner, artistic method

Введение

Роман «Барсуки» – первое крупное произведение Леонида Леонова. Традиционно именно с «Барсуков» ведётся отсчёт пути писателя в «большой» литературе. Для начинающего прозаика, пусть и получившего уже определённую известность, выход в свет первой объёмной вещи, пожалуй, самое главное событие в литературной жизни.

Разумеется, та степень ответственности, которую ощущает писатель, не может не диктовать ему особого отношения к своему дебютному произведению. Здесь, помимо повышенных художественных требований, которые предъявляет автор к своему творению, огромное значение имеет внешний аспект: попытка не только выдать продукт, востребованный читателем, но и стремление предугадать реакцию критики [2], дать как можно меньше поводов для негативных отзывов. Автор своим дебютным романом задаёт контуры некоей системы, в которой он будет существовать в дальнейшем, т. е. повышенное внимание к «внешней» стороне творчества закономерно. Эта ситуация уникальна тем, что максимально обостряет и кристаллизует в чистом виде две плоскости художественного мира: писателя и автора. В сложившихся условиях отличия и границы проявляются максимально выпукло, что не только облегчает анализ, но, учитывая, что первая вещь, как правило, всегда «программная», позволяет проанализировать систему взаимоотношений *писатель / автор* в наиболее «чистом виде», тогда как в последующих произведениях эта система будет подвергаться (почти всегда сознательно) деформации.

Автор против писателя

Ряд современных литературоведов вводит понятие «писатель» в социальную категорию как надстройку, в большей степени отвечающую за адаптацию изначального замысла произведения к культурному «мейнстриму», или литературному полю. Задача писателя, по мнению сторонников этой точки зрения, – создать вещь, имею-

щую определённую «добавленную стоимость». Писатель как никто другой заинтересован в том, чтобы результат его трудов приносил хорошие плоды: речь не только о материальном доходе, в эту категорию можно с полным основанием занести и авторитет, который приобретает создатель произведения.

Следствием этого становится работа писателя на биографию – на тот личный «информационный след», который сопутствует литературному творчеству и позволяет автору претендовать на определённое отношение как к себе самому, так и к результатам своей литературной деятельности. В этой связи приведём размышления Ю. М. Лотмана о соотношении авторской личности и биографии писателя в литературе XX в.: «Во-первых, само создание текста становится действием личной активности и, следовательно, переводит автора в разряд тех выпадающих из универсальных кодов личностей, которым свойственно иметь биографии. Во-вторых, создаваемые им произведения уже не могут вызывать у аудитории автоматического доверия, и критерий истинности сообщения приобретает исключительно острый и актуальный характер. ... Личная человеческая честность автора делается критерием истинности его сообщения. Биография автора становится постоянным – незримым или эксплицированным – спутником его произведений» [4, с 369]. Роман «Барсуки» воспринимался начинающим писателем Леоновым как заявка на признание, имеющее решающее значение для его писательской биографии. Дело в том, что тот «ярлык», который «приклеит» ему критика, во многом определит отношение к его творчеству в дальнейшем.

Здесь также нужно упомянуть понятие «литературного поля», которое ввёл Пьер Бурдьё [1]. Термин определяет литературную «жизнь», опять же, как явление социального порядка: пространство, в котором существуют все, кто занят в производстве и реализации «контента». Поле литературы – та среда, которая формирует авторитетность в значении – ценность, вес,

стоимость. Авторитетность писателя программирует отношение к его творчеству едва ли не в большей степени, чем собственно литературный контент.

В этой системе координат следует рассматривать категорию «автора» как внутреннее – сугубо творческое – начало в литературном произведении. Если писатель ориентируется на «запросы рынка», стремится (пусть зачастую и неосознанно) вписать свою работу в литературное поле с максимальной для себя выгодой, то задача автора лежит совершенно в другой плоскости.

Автор в литературном произведении – это начало, изолированное от внешнего мира. Он пишет не так, как «выгодно», а так, как это «соответствует истине», разумеется, в его собственном понимании. В своём творческом подходе автор всегда предельно честен, потому что по определению не способен лукавить: он живёт и действует внутри созданного им самим пространства, поэтому любая нечестность – попытка обмануть себя – для автора неприемлема. История, рассказанная автором, всегда история «в чистом виде», без тенденциозных смысловых и морально-этических надстроек, адресованных читателю.

Замысел романа «Барсуки» принадлежит писателю Леонову. Он выбирает для этого («Барсуки» созданы в 1924 г.) наиболее актуальную в реалиях современной ему России тему. Герои романа – два брата, представители пролетариата и, что важно, выходцы из крестьянской среды. Т. е. писатель ставит в основу сюжета своеобразный литературный стандарт того времени [5]. Формирование их личностей пришлось на пору, предшествующую революции. Коренной перелом, произошедший в жизни страны, окончательно сформировал характеры героев и обострил жизненные приоритеты, которые начали формироваться на фоне предреволюционных реалий. Один брат становится революционером, второй революцию не принимает и переходит к активному противостоянию новой власти. На уровне писателя замысел

выглядит так: взять историю двух героев, проследить их взросление и жизненный путь на фоне революции, выстроить сюжет на столкновении разных идеологий и привести к развязке. Характерно, что финал романа нельзя в полной мере отнести к «победе большевистской идеи». Связано это с тем, что писатель Леонов никогда не считал революцию сугубо положительным явлением для России. Но, тем не менее, не мог не признать её закономерности. Писатель Леонов делает ставку на актуальность темы и обеспечивает полное соответствие романа литературной повестке дня. Только что закончилась гражданская война, отголоски крестьянских восстаний продолжают волновать общество. «Брат против брата» – литературный конфликт, продиктованный реальностью исторического времени. Иметь целью создать популярный роман вполне естественно для литератора, и писатель Леонов предпринимает злободневный шаг. Но практически «с первых шагов» реализации замысла в дело вступает автор Леонов.

Для описания взаимоотношений автора Леонова с писателем Леоновым вполне уместно использовать фрейдистские категории сознания и подсознания. У Фрейда читаем: «“Быть сознательным” есть чисто описательный термин, ссылающийся на наиболее непосредственные и наиболее надёжные восприятия. Но дальше опыт показывает нам, что психический элемент, например представление, обычно не осознаётся длительно. Напротив, характерно то, что состояние сознательности быстро проходит, осознанное сейчас представление в следующий момент делается неосознанным, но при известных легко осуществимых условиях может снова вернуться в сознание. И мы не знаем, чем оно было в промежутках: мы можем сказать, что оно было латентно, и подразумеваем под этим, что оно в любой момент было способно быть осознанным» [7, с. 352–353]. Здесь есть принципиальное сходство: писатель Леонов – это внешний, рациональный (прагматичный) создатель, тщательно выстраивающий свой образ на литературу-

ном поле. Автор Леонов – носитель всего иррационального: того, что реальный Леонов стремился утаить от посторонних. Писатель Леонов действует в полном согласии с реальным Леонидом Леоновым, автор Леонов противостоит им обоим.

На этом противостоянии в определённом смысле построено всё творчество Леонова. Предположительно можно выделить только один его роман, где автор и писатель действовали сообща, – «Скутаревский». Но в остальных это всегда борьба, прошедшая через всю литературную жизнь и закончившаяся победой писателя Леонова в «Пирамиде». Правда, эту победу у исследователей принято определять как особую философскую глубину с элементами эсхатологии [3, с. 80].

Замысел романа «Барсуки» никоим образом не претендовал на контрреволюционность. Полемиические черты, всесторонний анализ произошедшего слома государственного строя – это, безусловно, имеет место. Писатель Леонов не мог позволить себе показать действительность однобоко – это недопустимо для истинного мастера.

Но если писатель Леонов смотрит на революцию амбивалентно, то автор Леонов революцию не принимает, считает её безусловным злом. Вместо того, чтобы методично и всесторонне рассмотреть конфликт братьев, автор незаметно для писателя смещает смысловой акцент в сторону собственного мироощущения и деформирует замысел романа в соответствии с ним. Автор Леонов рисует иные аспекты конфликта «брат на брата». Он держится в русле изначальной задумки ровно до того момента, пока на сцену не выходит «революция». После этого автор начинает работать по своей теме. Прежде всего, он полностью упускает из виду брата-большевика, выводит за скобки перевоплощение Павла в «товарища Антона», сосредотачиваясь на Семёне, тем самым ломая основу задуманного конфликта, для реализации которого важно было проследить становление мировоззрения обоих героев. Для конструкции фабулы «пропа-

жа» одного из ключевых героев – серьёзная ошибка. Но это если рассматривать текст с точки зрения писателя Леонова. Для автора Леонова – это, наоборот, знаковый ход, раскрывающий его собственную позицию. Автор, вмешиваясь в планы писателя, превращает «популярный роман» в куда более сложную конструкцию. Рискнём предположить, что писатель Леонов допускает это «самоуправство» по неопытности. Уже в следующем романе – «Вор» – писатель Леонов долгие годы будет пытаться избавиться от самоуправления автора (роман переживёт три полноценных редакции).

Писатель Леонов имеет весьма характерную черту: неспособность воспринимать себя критически. Речь идёт не о традиционном недовольстве литератора своим творчеством. «Писатель Леонов» – непрерываемый авторитет. Возможно, «спасибо» за это нужно сказать Максиму Горькому, в своё время делегировавшему Леонову право отвечать за всю русскую литературу. Именно поэтому внутритекстовая борьба с автором Леоновым, который имеет смелость не признавать этот авторитет, носит такой жёсткий характер. Но именно этой борьбе авторских ипостасей мы обязаны многоплановости и многозначности произведений Леонова.

Итак, автор «Барсуков» теряет одного из ключевых героев. Объясняется это просто: Павел для него – олицетворение пролетарской революции. Автор Леонов явно видит и понимает путь Семёна, вступившего в конфликт с творимой большевиками реальностью, а судьба человека, вписавшегося в революцию, её одобрявшего, ему чужая. Искренность, как уже говорилось выше, основная черта, присущая автору как категории литературного текста. Автору Леонову Павел непонятен по одной простой причине: он не видит его «героем», а значит, такой герой ему просто не интересен. Характерно, что в романе «Вор» точно так же за скобки вынесено «пролетарское становление» Векшина: объектом пристального внимания станет послереволюционная судьба героя, весьма (и закономерно) печальная.

Как известно, роман «Барсуки» был воспринят критиками неоднозначно. Писателя обвинили в полном непонимании «марксистско-ленинского учения о классовой борьбе»¹. Хотел ли Леонов именно такого отклика на свой первый роман? Вряд ли. Клеймо «попутчика» прочно и навсегда приклеится к Леонову в 1920–1930-е гг., и для писателя Леонова это станет серьёзным поводом для переживаний. В своих публичных выступлениях он неоднократно убеждал, что отнюдь не против революции. Но все попытки доказать это в рамках творчества будут приводить ко всё новым обвинениям [6]. Причина этому – автор Леонов, благодаря которому все усилия написать «правильный» роман оказывались обречёнными на неуспех. В конце концов, Леонов признал неоспоримый факт: для него на всех уровнях творческого сознания революция неприемлема. Олицетворением этого признания станет сложный каркас «Пирамиды». Но в те годы Леонов был, вероятно, не готов признаться в этом даже себе.

Для объяснения того эффекта, который произвёл на пролетарскую критику роман «Барсуки», необходимо рассмотреть такую повествовательную инстанцию, как имплицитный автор – образ, который конструируется читателем в процессе прочтения текста. Общая идея, сформировавшаяся в сознании «потребителя» через синтез двух авторских ипостасей «Барсуков», в ней и содержится вся крамола, которую почувствовали, но не смогли внятно сформулировать пролетарские критики.

Отправной точкой для формирования этой «крамолы» послужила потеря Павла. Интуитивно, подсознательно, на уровне глубинных ощущений читатель заметил это и воспринял именно так, как надо: Павел – это даже не антигерой, это намного хуже. Павел, погрузившийся в революцию, причастившийся ей, не просто исчезает – он умирает. Именно так воспринимает перерождение героя автор Леонов и именно это транслирует читателю. «Комиссар

смерти» – такое прозвище носит Павел, вновь появившийся в финале романа. Теперь у него другое имя – Антон – и другая сущность: это восставший мертвец. Смысл этот закрепляется в сцене с трупом убитого «барсуками» коммуниста – Антон не просто воспринимает покойника как «своего», он говорит о нём, как о живом: *«Была необычная торжественность в этом: человек молча приветствовал чужого же, но о котором знал уже, казалось, всё, – с которым связан был кровней, чем с братом, – и которого впервые видел – обезображенным. // – А ну, товарищи, – сказал Антон своим, стоявшим вокруг без шапок. Вы несите его ко мне в вагон! Он со мной в губернию поедет»*². Мог ли двадцатипятилетний Леонов (писатель Леонов) сознательно запрограммировать восприятие читателя именно в этом ключе? Маловероятно. В данном случае сам он больше доверяет рациональным – осозанным – приёмам. Это – ключевой момент для вычленения ипостасей автора и писателя внутри художественного мира Леонова. На уровне стилистики обе эти личности неотличимы: они говорят одним и тем же языком, у них единая образность, общая манера подмечать характерные черты в окружающем мире и поведении персонажей. Но они принципиально различаются подходом к самой ткани художественной реальности. Автор Леонов – это «правда жизни», он оперирует «подсознательной» образностью, действует интуитивно. Именно он ответствен за правдоподобие сцен и персонажей. Диалоги героев – их неподдельность и жизненность – это итог творческого метода автора Леонова. В этом автор намного старше, опытнее и мудрее писателя Леонова. Действия же писателя Леонова рассудочны и ориентированы на «образ читателя» – такого же рассудочного, как и он сам. Писатель также ответствен за «сверхзадачу»: донесение определённых идей, которые как будто важнее художественной правды. Философия и идеология – составляющие авторитета писателя, кото-

¹ См.: Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М.: Молодая гвардия, 2010. 576 с.

² Леонов Л. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1983. С. 293.

рый имеет огромную ценность на литературном поле.

Примером реализации «сверхзадачи» может служить притча о Калафате. Ни одно исследование по Леонову не обходится без обстоятельных трактовок его «маленьких сказаний» (определение Леонова). Интересно, что он сам тоже любил порассуждать об этом [8], при этом говоря о себе в третьем лице, т. е. и для него «писатель Леонов» – не только субъект реальности, но и объект, фигура литературного поля. Сама же притча – это как вводное слово в синтаксисе: её можно убрать из произведения, при этом сюжет и главное поле содержания не поменяется.

Воздействие писателя Леонова на художественный мир повествования подчинено некоей сверхзадаче. Писатель Леонов работает на читателя, постоянно «имеет его в виду», непрестанно просчитывает, как то или иное действие будет воспринято аудиторией. Эффект от такой зависимости зачастую принимает весьма неожиданную форму. Например, своеобразное начало романа «Барсуки». Начало произведения (страх перед «чистым листом») – те двери, через которые читатель входит в мир книги, – значит для создателя очень много. А если этот создатель – молодой автор, впервые выносящий на суд публики свою крупную работу... Как преодолеть страх? Самый проверенный способ – через игру: *«Прикатил на Казанскую парень молодой из Москвы к себе на село, именем – Егор Брыкин, званьем – торгош. ... Купечествовал парень потихоньку, горланил из ларя в три медных горла, строил планы, деньгу копил, себя не*

*щадя, и полным шагом к своей зенитной точке шёл»*¹. Эта карикатурно-народная стилистика, возникнув в начале повествования, бесследно исчезнет. Писатель преодолет смущение и перестанет прятаться за ширмой ненужных стилистических приёмов. Таким образом, в «Барсуках» можно чётко выделить два плана: интуитивный и рациональный. За первый отвечает автор Леонов, второй накладывает поперх первого Леонов писатель, который также ответствен за идеологическую «сверхзадачу»: притча о Калафате, внезапные философствования героев на «пустом» месте – это тоже его работа.

Заключение

Писатель Леонов сделал всё, чтобы роман вписался в литературное поле. Нужно отметить, что роман действительно в полной мере оправдал надежды, которые возлагал на него его создатель. Но, тем не менее, откуда взялись (не ожидаемые писателем) обвинения в контрреволюционности? Этот вопрос, безусловно, очень занимал автора «Барсуков». И в какой-то момент он всё-таки нашёл верный, но неожиданный для себя ответ. Писатель Леонов обнаружил существование в своей художественной лаборатории собственного «альтер-эго» – автора Леонова: неуправляемого, самовольного и не признающего главенства и авторитета писателя Леонова. С этого момента в творчестве Леонида Леонова начинается и продолжается осознанная и одновременно «бессознательная» борьба между этими двумя началами.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдье П. Поле литературы [1982] / пер. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
2. Дырдин А. А. Л. Леонов и его метафизический реализм в современной критике // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2018. № 3. С. 6–11.
3. Крохина Н. П. Антропологический кризис в рецепции отечественной литературы конца XX века // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 78–83.
4. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 365–376.

¹ Леонов Л. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1983. С. 7.

5. Машкова Е. Е. Социальная маска крестьянина в производственной прозе 1920–1930-х годов // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 66–85.
6. Тарасова И. И. Литературный процесс 20–30-х годов XX века: становление «Новой» литературы и концепции личности // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 436–438.
7. Фрейд З. «Я» и «Оно». Глава «Сознание и бессознательное» / пер. Л. Голлербах // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 351–392.
8. Хрулев В. Роман «Вор» в духовной биографии Леонида Леонова // Наш современник. 2014. № 5. С. 258–275.

REFERENCES

1. Bourdieu P. Literary Field (Rus. ed.: Gronas M., transl. *Pole literatury*. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2000, no. 45, pp. 22–87).
2. Dyrdin A. A. [Leonov and His Metaphysical Realism in Modern Criticism]. In: *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], 2018, no. 3, pp. 6–11.
3. Krokhnina N. P. [Anthropological Crisis in the Reception of Domestic Literature of the late XX century]. In: *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Research], 2022, no. 2, pp. 78–83.
4. Lotman Yu. M. [Literary Biography in the Historical and Cultural Context (On the Typological Correlation of the Text and the Personality of the Author)]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i. T. 1* [Selected Articles. Vol 3]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 365–376.
5. Mashkova E. E. [The Social Mask of the Peasant in the Production Prose of the 1920–1930s]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological Sciences], 2018, vol. 4 (70), no. 3, pp. 66–85.
6. Tarasova I. I. [The Literary Process of the 20–30s of the Twentieth Century: The Formation of the “New” Literature and the Concept of Personality]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2020, no. 4 (83), pp. 436–438.
7. Freud S. Das Ich und das Es (Rus. ed.: Gollerbah L., transl. “Ya” i “Ono”. In: Freud S. “Ya” i “Ono”. *Trudy raznykh let. Kn. 1* [“I” and “It”. Works of Different Years. B. 1]. Tbilisi, Merani Publ., 1991, pp. 351–392).
8. Khrulev V. [The Novel “The Thief” in the Spiritual Biography of Leonid Leonov]. In: *Nash sovremennik* [Our Contemporary], 2014, no. 5, pp. 258–275.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Заваров Дмитрий Викторович – аспирант кафедры русской литературы XX века Государственного университета просвещения;
e-mail: dzavarov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii V. Zavarov – Postgraduate Student, Department of the Russian Literature of the XX century, State University of Education;
e-mail: dzavarov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Заваров Д. В. «Барсуки» Леонида Леонова: автор против условного образа писателя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 111–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-111-117

FOR CITATION

Zavarov D. V. “Badgers” by Leonid Leonov: The Author is Against the Conditional Image of the Writer. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 111–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-111-117